

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук Гусаковой Анны Викторовны

на тему:

«Культы валлийских святых как инструмент

церковной и светской политики на Британских островах в XI–XV веках»

по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация А.В. Гусаковой является первым в отечественной исторической науке исследованием средневековой валлийской житийной литературы. Работа выполнена с учетом новейших тенденций современного исторического знания и посвящена актуальной с точки зрения его текущего состояния тематике. В центре внимания соискателя – прикладные аспекты валлийской агиографии XI–XIII вв., значение которых конкретизируется, с одной стороны, на фоне активной деятельности церковных и светских институций, а также последствий англо-нормандского завоевания Уэльса – с другой.

Актуальность исследуемой в диссертации проблематики во многом усиливают представленные соискателем методологические решения. Работа написана на стыке «новой» политической и церковной истории, что позволяет поставить и успешно решить целый комплекс проблем, имеющих принципиальный характер для развития современной науки и исторического знания в целом.

С концептуальной точки зрения диссертация А.В. Гусаковой представляется целостной и хорошо аргументированной. Соискатель исходит

из вполне традиционного для современной историографии подхода, согласно которому житийная литература являлась продуктом общественных отношений и в этом смысле была способна отражать определенные «решения» характерных для этих отношений институциональных и функциональных противоречий. Такого рода рефлексия, по мнению соискателя, не только была связана с «практической» составляющей житийной литературы, но и с действиями церковных и светских авторитетов и, следовательно, свидетельствовала о наличии определенных разграничений, акцентирующих наличие и своеобразие двух направлений свойственной средневековому валлийскому обществу практики взаимодействия между различными институтами или же, в определении соискателя – политики.

Культ местночтимых святых обладал в этой связи известной полифункциональностью. С одной стороны, связанные с культом предания и легенды могли использоваться в качестве особых инструментов, служивших доказательством особого статуса правящих родов и знатных линияжей. С другой – традиция могла преподносить святого как основателя определенной церковной институции и связывать с ним репертуар ее статусных преимуществ. Речь шла также об исключительном праве на принадлежавшее ей движимое и недвижимое имущество и, следовательно, о позиционировании связанных с этими обстоятельствами практик как реально значимых, действующих и самое главное – постоянно возобновляющихся. При этом важнейшей особенностью этой традиции являлась ее способность к самоадаптации, которая во многом регулировалась светскими и церковными авторитетами.

Для доказательства этих концептуальных обобщений А.В. Гусаковой были идентифицированы примеры, а также определен исторический контекст использования культа святых и связанных с ним легенд и преданий в светской и церковной практике. Во-первых, речь идет об обращении к образу святого у представителей правящих родов донормандского Уэльса. На основании комплиментарных к житийной литературе генеалогических источников

соискателю удалось убедительно показать, что в качестве легитимирующих правящие династии кандидатов могли быть использованы не только почитаемые праведники, находящиеся в прямом родстве с правящим домом, но и святые, непосредственно благословившие основателя династии. Опираясь на классический пример – легенду о св. Германе и Каделле – родоначальнике первой династии Поуиса, (выбита на столпе Элисега и пересказана в «Истории бриттов» Ненния), А.В. Гусакова справедливо отмечает, что не смотря на переход верховной власти к потомкам сестры Кингена ап Каделла в середине IX в., правители Поуиса на протяжении последующих трехсот лет продолжали использовать саму легенду, считая ее актуальной (с.63-96).

Во-вторых, анализируя роль культовых центров, связанных с местночтимыми святыми, в противостоянии валлийской и английской церквей в конце XI–XII вв., А.В. Гусакова убедительно показывает, каким образом локальные церковные общины использовали житийную литературу в качестве определенного инструмента. Речь идет о противостоянии прямому подчинению валлийских диоцезов авторитету Кентербери. Именно с этой целью в житие св. Давида (конец XI в.) включается предание, согласно которому этот святой как основатель Сент-Дэвидса был посвящен в архиепископский сан иерусалимским патриархом, установившим тем самым не только главенство этой епархии среди всех прочих валлийских диоцезов, но и уравнивших ее положение с архиепископской кафедрой в английском Йорке. В начале XII в. епархия Лландаффа аналогичным образом вступила в борьбу за архиепископский сан, используя при этом предания о свв. Дивриге, Тейло и Эуддогви – покровителях Лландаффа (с.96-130).

В-третьих, конкуренция между валлийскими и английскими церквями и диоцезами во многом стимулировала использование отдельных сюжетов житийной литературы для доказательства имущественных прав такого рода институций. Анализируя дарственные грамоты, содержащиеся в знаменитой Книге из Лландаффа, соискатель красноречиво показывает, как в начале XI в. под влиянием определенных обстоятельств в тексты дарственных грамот были

интерполированы новые формулы передачи земельных владений, в которых содержались указания на покровителей диоцеза – свв. Диврига, Тейло и Эуддогви как основных бенефициаров (с. 121–130).

Наконец, в-четвертых, заключительный тематический блок, иллюстрирующий и доказывающий концептуальные обобщения соискателя, связан с анализом определенных привилегий, закрепляемых за отдельными церковными центрами благодаря их покровителям – святым. А. В. Гусакова считает, что одной из важнейших таких привилегий было право убежища. Право общины на предоставление защиты подтверждалось в текстах, связанных с фигурой святого, который позиционировался в них в качестве непосредственного субъекта такого особого права. На примере нескольких житий из Книги Лландаффа А.В. Гусакова анализирует эпизоды, подтверждающие исключительное право защиты, приобретенное святым-покровителем религиозного центра от местных правителей. Как полагает соискатель, епископ Урбан, используя это право, стремился укрепить положение своего диоцеза и в этом следовал определенной стратегии, типичной для валлийского духовенства (житие св. Давида Ригиварха, жития свв. Кадока, Ильтуда, Беуно, анонимное житие св. Гвенвреви (с. 130–197)).

Концептуальная и содержательная целостность диссертации А.В. Гусаковой определяет основные результаты, осуществленного ею исследования, главными из которых являются:

Во-первых, осуществленная на основе оригинальных источников и обширной научной литературы экстраполяция «практической» составляющей валлийской житийной литературы на значительном хронологическом отрезке.

Во-вторых, введение в научный оборот отечественной исторической науки обширного комплекса валлийских агиографических текстов с учетом их инсулярной специфики, а также комплиментарных к таким текстам оригинальных источников, написанных на средневаллийском языке и средневековой латыни.

В-третьих, реконструкция и последующая интерпретация в широком историческом контексте легенды, связанной с первой династией Поуиса, основу которой составляло предание о Каделле, ставшем правителем княжества с благословения, полученного от св. Германа, считающегося основателем княжеского рода.

В-четвертых, использование преданий, содержащихся в житиях свв. Давида, Диврига, Тейло и Эуддогви, покровителей Сент-Дэвидса и Лландаффа, в качестве примеров, иллюстрирующих не только противостояние валлийских диоцезов и Кентербери, но и сопротивление валлийских церковных иерархов попытке английской церкви включить земли валлийских княжеств в сферу влияния архиепископа Кентерберийского.

В-пятых, наделение в валлийских судебниках отдельных церковных институций и примыкавших к ним земельных владений особым правовым статусом совпадало с появлением в житийной литературе преданий о приобретении святым-покровителем религиозного центра особой привилегии предоставлять защиту. Воспринимавшиеся в качестве основания для обретения общиной особого статуса, такие предания повышали положение связанной с ним церковной институции; при этом реализация церковного права убежища напрямую зависела от воли местного правителя, приобретавшего не только дополнительные рычаги контроля над местным населением, но и гарантии поддержки со стороны религиозного центра в случае внешней или внутренней угрозы.

Диссертация А.В. Гусаковой является законченным оригинальным исследованием актуальной для современной исторической науки проблематики. Источниковая база исследования, а также использованная в работе научная литература достаточны для раскрытия темы и поставленных в диссертации задач. Автореферат и публикации соискателя отражают содержание диссертации. Предпринятое А.В. Гусаковой исследование полностью соответствует специальности 5.6.2. – всеобщая история, а также следующим ее направлениям: история христианства в средние века; история

католической церкви в средние века; история идейно-политической борьбы в английском обществе в эпоху Средневековья.

Как и любое посвященное актуальной для современной исторической науки проблематике, исследование А.В. Гусаковой вызывает определенные соображения, которые соискатель мог бы учесть при дальнейшей работе над темой и в частности при подготовке текста диссертации к публикации в виде отдельной монографии.

Мое первое соображение касается стремления А.В. Гусаковой представить обнаруженные в житийной литературе свидетельства как доказательства реализуемой церковными и светскими иерархами, а также связанными с ними институциями политики. Напомню, что политика как одна из сфер человеческой деятельности, ориентированной на обретение и сохранение исключительных властных позиций и полномочий, предполагает наличие не только достаточно развитых в организационном и структурном плане, но и способных к регулярному воспроизводству властных отношений институтов. Только такие институты способны обеспечить реализацию, конкуренцию и контроль эффективности политических действий, с одной стороны, а также доминирование властных группировок и индивидов – с другой.

Средневековое валлийское общество даже в период своего максимального расцвета (так называемая эпоха принцев) оставалось по целому ряду принципиальных параметров потестарным, т.е. представляло собой такую форму организации общественной власти, которая основывалась на силовых, но при этом неправовых публично-властных институтах, авторитете и престиже лидеров, а также на родственных связях и схожих с ними социальных структурах. Не трудно догадаться, что в таких условиях реализация любых ориентированных на политическую прагматику действий и тем более продуманной политики была затруднена, если вообще невозможна. При этом отмеченные особенности не исключали активности определенных групп валлийских *literati*, которые не только создавали различные тексты, включая житийную литературу, но и при помощи этих текстов видоизменяли

и преобразовывали действительность. Такого рода тексты создавали определенные проекции реальности – так называемые дискурсы, а с учетом регулярности такого «проектирования» формировали дискурсивные практики. Полагаю, что именно такие практики нашли свое отражение в житийной литературе. При этом их «потребительский» потенциал был ограничен и не выходил за рамки средневекового интеллектуального сообщества.

Второе соображение закономерно вытекает из предыдущего и связывается мною с оценкой уровня развития верховной власти на территории средневекового Уэльса. А.В. Гусакова предпочитает называть валлийские средневековые политии королевствами, но это обстоятельство нуждается в определенной коррекции. В средневаллийском языке существует чуть более двух десятков понятий, обозначающих обладателей верховной власти, значительная часть которых восходит к лексике, используемой еще ранними поэтами, так называемыми *Synfeirdd* (VI–XI вв.). Среди этих определений наиболее употребительными, т.е. зафиксированными в поэзии *Gogynfeirdd* (XII–XIV вв.), религиозной, правовой и исторической литературе развитого Средневековья можно считать группу определений, из которых только такие относительно редко встречающиеся термины как «*brenhin*», «*mechdeugn*», «*teugn*» среди прочих значений содержат указания на монарший сан, но при этом в своем исходном виде отражают архаичную практику обозначения раннесредневековых легендарных и полуполулегендарных бриттских правителей «Старого Севера». Наиболее часто встречающиеся в средневековых валлийских текстах понятия «*arglwydd*», «*amherawdr*», «*arbennig*», «*cadair*», «*ener*», «*gwledig*», «*hynaf*», «*llyw*», «*naf*», «*pair*», «*penadur*», «*rhebydd*» и «*tywysog*», помимо архаических значений («вождь» и «предводитель»), тиражируют определения, указывающие на нижестоящий по отношению к монарху статус и переводятся как «принц», «правитель» и более широко – как «господин». Поскольку в русском языке не существует адекватного обозначения владений, принадлежавших такого рода властителям,

единственным доступным определением валлийских средневековых политий является термин «княжество», а не «королевство», как известно, отражающее более высокий уровень организации верховной власти.

Помимо этого хотел бы отметить ряд мелких недочетов, касающихся встречающихся в работе обозначений. Неудачно определение легенды об инсталляции правителей Поуиса как «политической» (с.60,82,85,197): предпочтительно ее определение как династической или же просто как легенды. Тюдоровское устройство Уэльса в первой половине XVI в. завершилось не «союзом Англии Уэльса» (с. 196), как полагает соискатель, а стало возможным благодаря унии, инкорпорирующей валлийские земли в состав Английского королевства.

Определенное недоумение вызывает оформление цитат, содержащих средневаллийские и латинские тексты. Обычно за редким исключением оригинальные цитаты представлены в диссертации без перевода, но при этом детально пересказаны в тексте исследования. Такая форма работы с источниками возможна, но только в том случае, когда расширенные сноски содержат транскрипцию привлекаемых в работе рукописных текстов. Учитывая сложности для широкого, неподготовленного восприятия написанных на средневаллийском языке исторических памятников, такая форма подачи исследуемого материала представляется мне неудачной и нуждается в корректировке.

Вместе с тем, указанные замечания и соображения не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения

о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Гусакова Анна Викторовна заслуживает
присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности
5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры истории
средних веков Института истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
Федоров Сергей Егорович
29.08.2025

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ
ЗАВЕРЯЮ

С. Е. Федорова

25.

Контактные данные:
тел.: 7(921)9197017, e-mail: s.fedorov@spbu.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
07.00.03 – всеобщая история

Адрес места работы:
198034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Институт истории, кафедра истории средних веков
Тел.: +7 (812) 324-94-47; e-mail: spbu@spbu.ru